

Кабештов Иван Михайлович

**Моя жизнь и воспоминания.
Бывшего до шести лет
дворянином, потом двадцать
лет крепостным**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Михайлович К.**
Моя жизнь и воспоминания. Бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным / Кабештов Иван Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 166 с.

ISBN 978-5-519-87473-1

ISBN 978-5-519-87473-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Званіе моей матери, ея замужество. Первый ея мужъ.—Мое рожденіе и жизнь до 6 лѣтъ—Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій.—Волконскіе и ихъ гуманныя отношенія къ крестьянамъ.—Перемѣна управляющаго.—Новый управляющій Зернихаузинъ и его жестокость съ крестьянами.

Мать моя была изъ крестьянской крѣпостной среды, изъ состоятельнаго семейства, изъ коего было не мало приказчиковъ и бурмистровъ. Она молодой и красивой дѣвушкой вышла замужъ за берейтора большого коннаго завода, учрежденнаго въ 22—23 году прошлаго столѣтія княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Волконскимъ (декабристомъ) въ имѣніи сестры его Софіи Григорьевны, урожденной Волконской и выпедшей замужъ за князя Петра Михайловича Волконскаго, извѣстнаго любимца трехъ Императоровъ, умершаго фельдмаршаломъ. Отецъ перваго мужа моей матери, Кобштейнъ, былъ одинъ изъ подвижниковъ Бирона. Будучи вмѣстѣ съ нимъ сосланъ въ Ярославскую губернію, гдѣ женился на крѣпостной дѣвушкѣ Волконскихъ, чрезъ что, по тогдашнимъ законамъ, потерялъ свободное званіе и сдѣлался крѣпостнымъ. Сынъ его Яковъ былъ ученымъ берейторомъ и поступилъ въ Саратовскую губернію и Сердобскій уѣздъ въ вышеказанный конный заводъ. Будучи вдовъ женился на моей матери; онъ чрезъ три года умеръ; изуродованный лошадыми, оставивъ матери сына и дочь, которые были помѣщены въ ученіе. Отъ перваго брака дочь, мужа моей матери, была взята въ Петербургъ, гдѣ сдѣлалась любимцею княгини Волконской, статсъ-дамы Императрицы. Она въ судьбѣ моей играла нѣкоторую, впрочемъ незначительную роль, но все таки я буду упоминать о ней въ моихъ воспоминаніяхъ.

Въ имѣніе, гдѣ жила моя мать, Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, с. Софійское, Репѣвка тожъ въ то время молодая и красивая вдова, пріѣхалъ управляющій уже не молодой, вдовый, титулярный совѣтникъ. По словамъ матери, да и по тѣмъ обстоятельствамъ, какихъ я коснусь ниже, мать была тайно повѣнчана старымъ мѣстнымъ священникомъ, пріятелемъ отца; но, кажется, этотъ бракъ въ метрику не былъ записанъ. *)

Отъ этого брака родился я въ 1827 г. Отецъ мой меня очень любилъ и безконечно баловалъ: одѣвалъ роскошно и возилъ съ собою по знакомымъ сосѣдямъ помѣщикамъ, какъ сына.

Такимъ образомъ мы съ матерью прожили въ довольствѣ и нѣгѣ шесть съ небольшимъ лѣтъ. Мать моя неустанно и добросовѣстно исполняла обязанности домашней и наружной хозяйки, не измѣняя образа жизни. Мнѣ минуло шесть лѣтъ, какъ пріѣхалъ въ сказанное имѣніе новый управляющій нѣмецъ, смѣнившій моего отца, В. Ѳ. Зернихаузинъ, близкій человѣкъ къ графу Л. А. Перовскому, въ то время гофмейстеру и сенатору. Онъ, гр. Перовскій, какъ говорили тогда, будучи креатурою Волконскихъ, принялъ обязанность безотчетнаго управляющаго всѣхъ имѣній свѣтлѣйшихъ Волконскихъ. Отецъ мой тотчасъ-же послѣ сдачи имѣнія новому управляющему выѣхалъ изъ него, купилъ у сосѣдняго помѣщика Слѣпцова въ дер. Дубовкѣ пустовавшій домикъ и, кажется, оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ новымъ управляющимъ года полтора. Отецъ взялъ меня съ собою, а мать моя оставалась на прежнемъ мѣстѣ хозяйкою.

Отступая нѣсколько отъ описанія жизни моей и моей матери, не могу отказать себѣ въ удовольствіи упомянуть добрымъ словомъ Волконскихъ.

Они, Волконскіе, всегда были добрыми и даже гуманными со своими крѣпостными крестьянами. По ихъ распоряженію крестьяне обязаны были на барщинѣ рабо-

*) Я уже сказалъ, что кто бы не женился на крѣпостной женщинѣ—терялъ свободныя права и даже дворянство.

татъ не болѣе трехъ дней въ недѣлю; воскресныя и праздничныя работы безусловно воспрещались; Пасха праздновалась цѣлую недѣлю. Кандидатовъ въ бурмистры выбирали сами крестьяне, управляющій только утверждалъ одного изъ кандидатовъ: управляющіе могли наказывать крестьянъ только по доказанной винѣ, не болѣе 25 ударами розогъ; одно лицо могло быть наказано два раза по 25 ударовъ, при третьей винѣ наказаніе усиливалось до 50 ударовъ, всякое наказаніе записывалось въ журналъ; при четвертой винѣ виновный записывался въ особый журналъ и объ немъ должно быть донесено съ описаніемъ вины въ главную Петербургскую контору. Оттуда уже ожидали распоряженія, какъ поступить съ виновнымъ. Большею частію такихъ виновныхъ высылали въ другія имѣнія, а иногда, смотря по винѣ, отдавали въ солдаты.

Крестьяне такъ боялись записи въ черный журналъ (по ихъ выраженію „черная журнава“), что въ большинствѣ случаевъ виновные просили наказать ихъ какъ угодно, лишь только не записывать въ ненавистную „черную журнаву“, такъ они его боялись. Въ этомъ случаѣ отъ виновнаго отбиралась подписка и тогда ужъ имъ доставалось безъ счета.

Управляющіе, конечно, несмотря на строгія предписанія владѣльцевъ, ухитрялись обходить ихъ: то трехдневные отбывки замѣнялись иногда довольно большими уроками,—напримѣръ мужъ и жена обязаны въ три дня сжать*) и связать десятину ржи копенъ въ 20, то въ воскресенье выгоняютъ поголовно возить снопы въ видѣ помочи, только съ угощеніемъ чаркою водкой, кашницею и т. п., а также при наказаніяхъ вмѣсто 25 давали по 50 и болѣе розогъ, считая, что дали только 25. Но все таки крестьяне Волконскихъ были лучшими въ уѣздѣ, какъ по трудолюбію, расторопности и честности, а потому также и по благосостоянію. Имъ завидовали и на нихъ указывали, какъ на образцовыхъ хозяевъ. Все это было при прежнихъ управляющихъ.

*) И только сжать, а не скосить, кошеніе тогда не допускалось.

Новый управляющій, флотскій офицеръ изъ нѣмцевъ, нашелъ крестьянъ, по его мнѣнію, избалованными, а имѣніе приносящимъ мало дохода. Пошли перемѣны: онъ не стѣснялся измѣнять все въ корнѣ, опираясь на своего патрона, графа Л. А. Перовскаго.

Вотъ первый замѣчательный случай, иллюстрирующій измѣненія кроткихъ и гуманныхъ отношеній: новый управляющій, не соображаясь съ обычаями, погодою и дорогою, вѣроятно же совсѣмъ не зная, какъ нѣмецъ, когда будетъ Пасха въ томъ году, запродалъ по дорогой цѣнѣ на срокъ съ неустойкою овесъ въ Саратовъ, отстоящій отъ имѣнія въ 200 верстахъ. Пасха была тогда ранняя, сколько помню 23 марта, хотя санный путь стоялъ еще порядочный, но, не смотря на Пасху и на начавшійся уже портиться зимній путь, управляющій, чтобы устоять въ срокъ доставки и не платить крупной неустойки, рѣшилъ доставить овесъ въ Саратовъ. Онъ велѣлъ насыпать овесъ на подводы на третій день Пасхи, кажется, въ день Благовѣщенія Господня, а на четвертый день выѣзжать съ овсомъ въ Саратовъ. Пришло къ нему нѣсколько почетныхъ стариковъ, прося униженно отложить насыпку и отправку овса во время Пасхи, доказывая, что въ день Благовѣщенія „даже птица гнѣзда не дѣлаетъ“ Стариковъ этихъ управляющій прогналъ, приказалъ рѣшительно насыпать овесъ и на четвертый день Пасхи въ среду выѣзжать въ Саратовъ.

Требовалось отъ каждого тягла по конной подводѣ на саяхъ: тяглы было 300 съ чѣмъ-то, которые могли набрать овса около 7000 пудовъ. Началсь волненія и въ среду на Пасхѣ вмѣсто требуемыхъ подводъ почти все село привалило въ контору и, упавъ на колѣни, стало просить, чтобы отмѣнить отправку овса до другого времени, какъ по уваженію къ великому празднику, такъ и по начинавшемуся портиться пути. Управляющій, созвавъ дворню, приказалъ палками отогнать крестьянъ отъ конторы. Они немного пошумѣли и всѣмъ сходомъ пошли въ церковь, въ которой звонили въ это время къ обѣднѣ въ большой колоколъ, какъ бываетъ каждый день во всю

пасхальную недѣлю, на отрѣзъ объявивъ, что до поне-
дѣльника Фоминой недѣли не выѣдутъ насыпать овесъ.
Этотъ отказъ призналъ управляющій бунтомъ: полетѣли
посланные къ исправнику и становому приставу, которые
явились въ тотъ-же день къ вечеру. Къ нимъ вызваны
были почетные старики. Эти послѣдніе, не убоясь властей,
рѣшительно объявили, что крестьяне не выѣдутъ и зав-
тра насыпать овесъ, указывая на праздникъ и на опас-
ность начавшагося портиться саннаго пути.

Этихъ стариковъ тотчасъ-же высѣкли и погрозили,
что завтра всѣхъ перепорятъ, кто не явится насыпать
овесъ, а въ крайности вызовутъ войско.

Крестьяне, невидѣвшіе у себя такого погрома ни-
когда, рѣшились пожаловаться въ Петербургъ, но уступили
требованію, благоразумно на пятый день Пасхи насыпали
овесъ, а на шестой выѣхали въ Саратовъ.

Проѣхавъ верстъ 100 и не могши далѣе ѣхать на
санихъ по испортившемуся пути, оставили овесъ на са-
няхъ, размѣстивъ его по постояннымъ дворамъ подъ при-
смотромъ провожавшаго ихъ смотрителя и нѣсколькихъ
крестьянъ. Возвратившіеся верхомъ крестьяне были тот-
часъ приведены передъ грозные очи управляющаго. Ярости
его не было границъ: онъ безъ разбора билъ крестьянъ
по лицу, таскалъ ихъ за бороды и за волосы, а тѣхъ, кто
осмѣливался хоть слово сказать, тутъ же наказывалъ
розгами.

Будучи высокаго роста, тучнаго тѣлосложенія, не-
обыкновенной силы (вѣсилъ онъ 8 пуд.) при ударѣ по
лицу вышибъ нѣсколько зубовъ, и вырвалъ бороду на
чисто, онъ до того разсвирѣпѣлъ, что съ нимъ чуть не
случился ударъ. Холодная со льдомъ вода, пѣявки и тому
подобныя средства скоро возвратили его къ прежнему
здоровью и къ прежнему тиранству.

Управляющій пріѣхалъ въ имѣніе съ пятью, или
шестью душами своихъ крѣпостныхъ. Одинъ изъ нихъ
былъ посланъ провожатымъ съ овсомъ, отправленнымъ на
Пасху въ Саратовъ, какъ болѣе надежный человѣкъ.
Послѣ возвращенія крестьянъ былъ посланъ другой смо-

тритель къ оставленному овсу, а прежній крѣпостной управляющаго возвратился на свою бѣду. Его управляющій такъ жестоко наказалъ, что никто изъ живущихъ не видѣлъ и, можетъ быть, не слышалъ объ такомъ безчеловѣчномъ наказаніи.

Въ примѣръ-ли крестьянамъ свѣтлѣйшихъ, собранныхъ въ кругъ мѣста наказанія, или по прирожденной лютости, этотъ несчастный провожатый безъ рубашки былъ въ однихъ портахъ повѣшенъ на спину самого высокаго и здороваго изъ крестьянъ; руки наказываемаго были обогнуты вокругъ шеи крестьянина и завязаны, а ноги привязаны къ ногамъ его и началось безчеловѣчное истязаніе*) длинными, распаренными, березовыми прутьями; наказываемый кричалъ, стоналъ, визжалъ, вопилъ и всё, кто могъ попрыгались кто куда попало. Сколько времени продолжалось это наказаніе, сколько дано ударовъ никто сказать не можетъ.

По окончаніи наказанія управляющій сказалъ присутствующимъ, что и вы также будете наказываемы, если кто нибудь не исполнитъ приказанія моего. „Забудьте о прежнемъ баловствѣ!“

Наказаннаго подъ руки отвели въ больницу, а державшій его на плечахъ крестьянинъ проболѣлъ горячкою нѣсколько недѣль.

II.

Переѣзды жизни матери и моей къ худшему.—Переѣздъ на нашу новую квартиру, гдѣ въ большой избѣ отведенъ намъ одинъ изъ трехъ угловъ.—Пакъ положенный намъ.—Наставленія матери.—Женщины, бывшія въ услуженіи у матери и ея знакомая.—Поѣздка моя къ отцу и его неисполняшіяся обѣщанія.

Описанный выше случай безчеловѣчнаго наказанія своего человѣка, никогда не виданный въ с. Софійскомъ и даже ни о чемъ подобномъ не слышали старики.

*) Предъ крестьяниномъ, державшимъ наказываемаго была, поставлена садовая лѣстница, за которую онъ могъ держаться руками.

Эта жестокость управляющаго была роковымъ событіемъ въ жизни моей матери и моей, а потому я такъ подробно его и описываю.

Крестьяне о поступкахъ и жестокостяхъ Зернихаузина рѣшились написать въ Петербургъ Л. А. Перовскому, бывшему, какъ сказалъ выше, безотчетнымъ управляющимъ всѣхъ имѣній кн. Волконскихъ.

Управляющій Зернихаузинъ былъ назначенъ въ Саратовское имѣніе Л. А. Перовскимъ, какъ близко извѣстный ему.

Ясно, что изъ прошенія крестьянъ ничего путнаго не могло выйти. Для совѣта и написанія прошенія они обратились къ моему отцу, всегда къ нимъ относившемуся хорошо. Сколько онъ не урезонивалъ крестьянъ, сколько не внушалъ имъ, что управляющій былъ назначенъ Перовскимъ, и что поэтому всякая просьба къ послѣднему только ухудшитъ ихъ бѣдственное положеніе, но они настаивали на написаніи прошенія. По добротѣ отца упросили наконецъ его, и онъ, подъ большимъ секретомъ, рѣшилъ написать имъ просьбу. Вѣроятно эта просьба имѣла нѣкоторое дѣйствіе и надо полагать, что управляющій получилъ замѣчаніе, послѣ котораго онъ вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ на почтовыхъ. Какъ уже онъ тамъ уладилъ, это осталось неизвѣстнымъ, но онъ навѣрно узналъ тамъ по слугу, что просьба (хотя она была написана не рукою моего отца) составлена моимъ отцомъ. Потомъ, по возвращеніи изъ Петербурга, онъ на нѣкоторое время какъ бы присмирѣлъ, но не надолго: за малѣйшую вину опять жестоко наказывалъ, назначая официально для записки въ журналъ только по 25 и 50 розогъ, но сѣкъ сколько влезетъ, приговаривая:

— Вотъ вамъ просьба, напишите еще сошлю въ степныя имѣнія, или отдамъ въ солдаты.

Конечно всѣ оробѣли и молча сносили его неистовыя жестокости, усиливавшіяся крещендо. Крестьянъ, смотря по надобности начали выгонять на барщину вмѣсто трехъ дней въ недѣлю, по четыре и рѣдкій празд-

никъ проходилъ безъ работъ на владѣльцевъ. Конечно доходы быстро возрасли.

Спустя очень короткое время послѣ возвращенія изъ Петербурга г. Зернихаузиномъ былъ присланъ за мною къ отцу на лошади конюхъ съ письмомъ. Отецъ, получивъ письмо, поблѣднѣлъ и со слезами въ голосъ говорить мнѣ:

— Дѣлать нечего, поѣзжай, чтобы болѣе его не озлобить. Послѣ моего приѣзда къ матери насъ обоихъ позвали въ контору, гдѣ находился Зернихаузинъ. При входѣ нашемъ въ контору онъ поднялся во весь свой громадный ростъ и грозно сказалъ:

— Знаешь-ли, что какъ-ты, такъ и сынъ твой — крѣпостные Волконскихъ, а потому наравнѣ съ дворовыми я тебѣ дамъ уголь и ты будешь получать такой же паекъ, какъ и всѣ: по 1 п. 30 ф. ржаной муки и по 30 ф. крупы, а этотъ барчукъ, при чемъ онъ указалъ на меня, будетъ получать половину этого пайка и онъ долженъ ходить въ школу, какъ и другіе дворовые. Не думай, что ты, какъ говорятъ, обвѣнчана старымъ дуракомъ попомъ въ церкви и занесена въ здѣшнюю метрику: ни ты, ни сынъ твой туда не записаны, а если-бы и были записаны, то согласно закона и отецъ былъ-бы обращенъ въ крѣпостные; такіе случаи у насъ на Руси бывали. Сынъ его, живописецъ въ Петербургѣ, просилъ меня разлучить его съ вами.

Онъ тутъ-же сказалъ приказчику: „назначте имъ такую то избу, тамъ теперь только двѣ семьи живутъ, а они будутъ трети“, прибавилъ:

— Завтра же переселяйтесь въ эту избу, а ты барчукъ немедленно начинай ходить въ школу.

На другой день утромъ, часовъ 9—10 въ половинѣ февраля мы съ своимъ скарбомъ на трехъ саняхъ подъѣзжали къ новой нашей квартирѣ. Снаружи она была большая деревянная изба, крытая соломой. Внутреннее расположеніе меня поразило, такъ-какъ я въ первый разъ видѣлъ такое размѣщеніе: въ трехъ углахъ стояли три высокихъ (до 2 арш.) и широкихъ кровати. Двѣ изъ нихъ заняты были постелями. На одной сидѣлъ старикъ, впос-

лѣдствіи оказавшійся моимъ лучшимъ другомъ; на третьей кровати такой-же высоты были настланы доски: эта послѣдняя была назначена для насъ передъ ней стояла скамейка для влезанія на кровать; четвертый уголъ избы былъ занятъ большой варистой печью, служившей общему кухнею для всѣхъ трехъ семействъ; вокругъ стѣнъ были лавки и стояло два стола. На печи сидѣло двое маленькихъ дѣтей; подъ каждой изъ двухъ кроватей было привязано по молодому теленку и сверхъ того подъ одной, въ особой перегородкѣ, посажены два небольшихъ ягненка. Нечего и говорить, каково было наше впечатлѣніе и каковы были запахи!

Когда начали вносить наши пожитки, я стоялъ и плакалъ. Застелили третью, предназначенную намъ, кровать, сложили по лавкамъ и на полу наши пожитки и поставили большой сундукъ.

Мать, немного управившись, грустная и усталая сѣла на лавку, я подошелъ къ ней плача и говорю:

— Мама, что мы будемъ дѣлать въ этой избѣ?

— Будемъ трудиться, молиться Богу и будемъ жить такъ, какъ многіе другіе живутъ. Видишь—сколько избъ кругомъ и въ каждой живетъ по три семьи. Даль-бы Богъ намъ насущный кусокъ хлѣба и онъ былъ-бы не такой, какой мы видѣли у крестьянъ съ лебедою и пескомъ, а то проживемъ; лишь ты не шали, не огорчай меня, какъ прежде, ходи къ каждой службѣ въ церковь, почитай старшихъ и молись усердно Богу: вѣрь, Богъ не оставитъ.

Эти слова были ея завѣтомъ и какъ-бы заповѣдью отъ Бога и я усердно старался исполнять ихъ и исполнять ихъ въ точности до одной самой горькой минуты въ моей жизни, о которой расскажу ниже и до того времени, пока не окунулъ съ головою въ развращенную среду дворни. Но и теперь въ горькую минуту жизни я припоминаю эти слова. Вскорѣ послѣ переѣзда на нашу новую квартиру пришли къ намъ служащія у матери и ея знакомыя 4 женщины, помогли матери разобраться,

утѣшали ее, общаясь во всемъ помогать ей, и исполняли свято общаніе. О нихъ я скажу ниже.

Вечеромъ поздно пріѣхалъ отъ отца его кучеръ. Мать, хотя со страхомъ, чтобы не узналъ управляющій, все таки отпустила меня съ тѣмъ, чтобы кучеръ привезъ обратно скорѣе, такъ какъ на завтра мнѣ нужно было идти въ деревенскую школу. Отецъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ со слезами, прижалъ къ своему сердцу и все время рыдалъ, какъ ребенокъ, пока я рассказывалъ ему все, что слышалъ отъ управляющаго, какъ провели мы съ матерью два послѣднихъ дня.

Онъ утѣшалъ меня, говоря, что надняхъ поѣдетъ въ Петербургъ и станетъ тамъ слезно просить Л. А. Перовскаго объ облегченіи нашей участи и надѣялся, что достигнетъ этого, потому что сынъ его давалъ уроки живописи дѣтямъ брата графа Василя Алексѣевича Перовскаго.

Онъ въ то время не зналъ, что сынъ его просилъ Зернихаузина разлучить отца съ нами. Въ морозную полночь отецъ отправилъ меня съ своимъ кучеромъ къ матери. При разставаніи онъ, плача, крѣпко прижалъ меня къ своей груди и поручилъ, чтобы мать еще хотя разъ въ недѣлю отпускала меня къ нему.

Вотъ горькое начало моего печальнаго отрочества, и за нимъ слѣдовало 20 лѣтъ крѣпостной тяготы.

III.

Поступленіе мое въ школу стараго рутиннаго образца.—Наружное описаніе ея.—Учитель и ученики.—Заятія мои и другихъ учениковъ.—Первыя книги.—Дѣтскіе рисунки мои.—Вліяніе мое среди учениковъ.—Работы въ огородѣ.—Похвала и подарокъ управляющаго и наша съ матерью радость.—

Разставанія съ отцомъ и его послѣднія отношенія къ намъ.

На другой день мнѣ нужно было, согласно приказанія управляющаго, идти въ школу. Мать боялась не исполнить его приказанія и какъ меня ни убѣждала, я самъ